УДК 821.112.2(436).0 DOI: 10.31249/litzhur/2026.73.10

Е.В. Соколова

«Я ЛЮБИЛА ЕГО БОЛЬШЕ ЖИЗНИ»: ТВОРЧЕСТВО ИНГЕБОРГ БАХМАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация. В статье прослеживается творческая эволюция яркой представительницы послевоенной немецкой и австрийской литературы Ингеборг Бахман (1926–1973) через призму ее личных отношений с тремя влиятельными литераторами эпохи. Во-первых, это забытый ныне австрийский писатель Ганс Вайгель (1908–1991), поначалу выступавший в роли наставника юной Ингеборг и открывший ей путь в литературный мир Вены середины 1940-х годов. Во-вторых, крупнейший немецкоязычный поэт еврейского происхождения Пауль Целан (1920–1970), который, едва избежав смерти в румынском трудовом лагере, в 1948 г. на своем пути через Вену в Париж навсегда покорил ее сердце и вселил в него утопическое стремление к обновлению языка через поэзию, о чем убедительно свидетельствует длительная и исполненная глубокого драматизма переписка этих поэтов. В-третьих, это один из двух крупнейших прозаиков послевоенной Швейцарии Макс Фриш (1911–1991), с которым Бахман несколько лет прожила в гражданском браке и расставание с которым положило начало череде ее нервных срывов, потребовавших длительного лечения. Следствием лечения стала зависимость от барбитуратов, повлекшая за собой нелепую преждевременную смерть. Каждый из трех этапов личной истории оставил след в творчестве Бахман, и в ее итоговом романе «Малина» можно различить и ответный выпад в нарративном поединке с Вайгелем, и взвешенный ответ Фришу, и исполненное поэзии прощание с вечным возлюбленным Паулем Целаном.

Ключевые слова: литература Германии после 1945 г.; литература Австрии после 1945 г.; Ингеборг Бахман; «Малина»; Пауль Целан; Макс Фриш; Ганс Вайгель.

Получено: 10.05.2026 Принято к печати: 15.06.2026

Информация об авторе: *Соколова* Елизавета Всеволодовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7098-3589

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

Для цитирования: *Соколова Е.В.* «Я любила его больше жизни»: творчество Ингеборг Бахман через призму личных отношений (к 100-летию со дня рождения) // Литературоведческий журнал. 2026. № 3(73). С. 178–195.

DOI: 10.31249/litzhur/2026.73.10

Elizaveta V. Sokolova

"I LOVED HIM MORE THAN MY LIFE": THE WORK OF INGEBORG BACHMANN THROUGH THE LENS OF PERSONAL RELATIONSHIPS (TO THE 100th ANNIVERSARY OF HER BIRTH)

Abstract. This article traces the creative evolution of Ingeborg Bachmann (1926–1973), a prominent figure in post-war German-language literature, through the prism of her personal relationships with three influential literary figures of the time. Firstly, there is the now forgotten Austrian writer Hans Weigel (1908–1991), who initially acted as a mentor to the young Ingeborg and opened the way for her into the literary world of Vienna in the mid-1940s. Secondly, it is the greatest German-language Jewish poet of the 20th century, Paul Celan (1920–1970), who, having narrowly escaped death in a Romanian labor camp, in 1948, on his way through Vienna to Paris, forever captured her heart and conveyed his utopian desire for the renewal of German language through poetry (this is convincingly evidenced by the long and deeply dramatic correspondence between these poets). Thirdly, it is one of the two greatest prose writers of post-war Switzerland, Max Frisch (1911–1991), with whom Bachmann lived in a civil marriage for several years and whose separation marked the beginning of a series of nervous breakdowns that required long-term treatment in clinics for nervous diseases. The treatment resulted in a barbiturate addiction, which led to an unfortunate, premature death. Each of the three stages of her personal history left its mark on Bachmann's work, and in her final novel, *Malina*, one can discern a counterattack in the narrative duel with Weigel, a measured response to Frisch, and a poetic farewell to her eternal lover, Paul Celan.

Keywords: German literature after 1945; Austrian literature after 1945; Ingeborg Bachmann; *Malina*; Paul Celan; Max Frisch; Hans Weigel.

Received: 10.05.2026 Accepted: 15.06.2026

Information about the author: *Elizaveta V. Sokolova*, PhD in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7098-3589

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

For citation: Sokolova, E.V. "'I loved him more than my life': The Work of Ingeborg Bachmann Through the Lens of Personal Relationships (to the 100th anniversary of her birth)". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(73), 2026, pp. 178–195. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2026.73.10

Поэтический дар Ингеборг Бахман (1926–1973) всегда производил впечатление на слушателей и читателей – и в 1950-е годы, и почти полвека спустя, когда едва ли не самый известный и уж точно не самый благожелательный немецкий критик второй половины XX в. Марсель Райх-Раницки в своих мемуарах «Моя жизнь» (Mein Leben, 1999) назвал ее, «вероятно, наиболее значительным немецкоязычным поэтом столетия» [19, S. 412] и выразил запоздалое сожаление о том, что ни разу не сказал ей, что считает некоторые ее стихи «самым прекрасным, что было написано в этом столетии по-немецки» [19, S. 417].

За право считать ее своей вот уже более полувека борются две литературы – австрийская и немецкая, хотя она разочаровалась и в Австрии, которую покинула в августе 1953 г., и в Западной Германии, где сначала обрела громкую славу, но впоследствии так и не смогла примириться со «скрытым нацизмом», который ощущала повсюду, включая атмосферу сессий той самой «Группы-47»[1], которая своей премией открыла ей путь в большую литературу.

При жизни писательницы широкое признание и народную любовь принесла ей прежде всего поэзия, вопрошающая об истине и любви, исследующая страх, вину, границы и возможности языка в русле философии раннего Витгенштейна. После смерти ее известность и авторитет в глазах последующих писательских

[1] Всеобъемлющее исследование истории этого влиятельного литературного объединения послевоенной Западной Германии представлено в книге [4].

поколений не в меньшей степени обеспечивается социально-критической прозой, превратившей ее в икону «женского письма», интенсивно развивавшегося в Германии и Австрии во второй половине XX в. [18].

В этой статье яркая литературная биография и трагическая человеческая судьба Бахман будут рассмотрены через призму ее личных отношений, также весьма необычных, оставивших значимый след в истории литературы, отразившись и в ее собственных текстах, и в текстах ее выдающихся возлюбленных.

Ее переписка с Паулем Целаном, впервые опубликованная лишь в 2008 г. [17], ныне расценивается критиками как «одна из самых драматических глав литературной истории после 1945 года» [2, с. 231]. В 2016 г. эта книга вышла по-русски в переводе Т.А. Баскаковой и А.В. Белобратова [2].

Выросшая в католической среде провинциальной Каринтии, в семье учителя Маттиаса Бахмана, рано вступившего в национал-социалистическую рабочую партию Германии (в 1932 г., еще до прихода Гитлера к власти), Ингеборг Бахман приехала в Вену уже студенткой, чтобы изучать философию в Венском университете. В марте 1950 г. под руководством Виктора Крафта[2] она защитила докторскую диссертацию, посвященную критической рецепции экзистенциализма М. Хайдеггера через призму языковой философии раннего Витгенштейна (опубл. в 1985 [13]).

Оказавшись в столице, талантливая провинциалка окунулась в водоворот культурной жизни Вены и вскоре попала в поле зрения ныне почти забытого писателя и театрального критика Ганса Вайгеля (1909–1991), до войны связанного с кабаре. По происхождению еврей, Вайгель после Аншлюса эмигрировал в Швейцарию, где оставался до конца 1945 г. Вернувшись в Вену вскоре после войны, он сразу имел определенный авторитет в литературных кругах австрийской столицы.

Ее знакомство с Гансом Вайгелем состоялось в сентябре 1947 г. Ингеборг пришла к нему в театр, чтобы перед премьерой взять интервью, и вскоре между ними завязались романтические отношения, в которых Вайгель играл по отношению к двадцати-

[2] В послевоенном Венском университете Виктор Крафт оставался последним и единственным членом знаменитого «Венского кружка», в 1920-е годы занимавшегося «медленным чтением» «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна [6, с. 25–26].

летней студентке роль покровителя и наставника. Это он ввел ее в литературные круги (в Вене тогда уже существовал так называемый круг Вайгеля, собиравшийся в кафе «Раймунд»). Он выступал критиком ее поэтических опытов, и он же способствовал публикации ее стихов. Он находил для нее литературные подработки, в том числе рекомендовал на радиостанцию Рот – Вайс – Рот, где Бахман затем несколько лет проработала редактором и сценаристом.

В силу разницы в возрасте и темпераментах их романтические отношения не были безоблачными. Этому способствовали и склонность Вайгеля к контролю, и страстная, свободолюбивая натура самой Бахман. Ситуация осложнилась после того, как весной 1948 г. она познакомилась с Паулем Целаном (1920–1970), талантливым поэтом своего поколения, который, как и она сама, стремился к трансформации немецкого языка посредством поэзии.

Как мы теперь знаем из их переписки, 23 мая 1948 г., в свой двадцать второй день рождения дочь воевавшего в России солдата вермахта на всю жизнь влюбилась в немецкоязычного еврея, глубоко затронутого трагедией Холокоста. Целан потерял в немецком концлагере обоих родителей и сам еле выжил в румынском трудовом лагере, а после войны, не имея гражданства, вынужден был непростыми путями пробираться из Румынии через Венгрию и Австрию во Францию [21]. Их мучительный роман, в разных формах продолжавшийся затем почти два десятилетия, вспыхнул тогда мгновенно, и в те несколько недель, которые Целан провел в Вене, развивался практически на глазах у Вайгеля.

После отъезда Целана в Париж Бахман, по настоянию Вайгеля, к нему вернулась, но отношения не клеились: слишком сильно она была влюблена в поэта и его поэзию, слишком сильно хотела уехать к нему в Париж, а если уж не к нему и не в Париж, то куда угодно, но только подальше от Вайгеля и от Вены[3].

Последний как будто смирился с таким поворотом событий, но по-своему отомстил. В 1951 г. вышел его роман «Неоконченная симфония» (Unvollendete Symphonie), представивший его видение этого любовного треугольника. В качестве прототипа главной ге-

[3] Известно, что в 1949–1951 гг. Бахман активно занималась поисками стажировок не только во Франции, но и в Америке. Но только широкая известность, пришедшая к ней в 1952–1953 гг. благодаря «Группе-47» (и ее премии), позволила ей в августе 1953 г. окончательно покинуть Австрию, переехав в Италию.

роини, безымянной «я»-рассказчицы (начинающей художницы, недавно переехавшей в разрушенную войной Вену из провинции), легко угадывается Ингеборг Бахман. Под маской сложного, эксцентричного поэта по имени Кристиан (Christian) выведен Пауль Целан. Образ гиперболизирован и превращен в антигероя, который подчиняет своему влиянию молодую девушку, очаровав радикальным искусством и чужеродным обаянием. В контексте еврейской трагедии, глубоко затронувшей Целана, наречение «его персонажа» подчеркнуто христианским именем Кристиан (Christian) читается как оскорбление, особенно будучи адресовано писателем-евреем другому еврею. Да и сам образ кажется пародией. Под возвышенным, почти театральным поэтическим пафосом Кристиана скрываются легкомысленность и бытовая инфантильность; подчеркивается его чужеродность, изолированность и одиночество в послевоенной Вене, а главной психологической особенностью показано стремление к бегству и, как следствие, неспособность взять на себя ответственность за отношения.

Иными словами, очаровавший девушку своей трагической аурой Кристиан показан как «разрушитель» гармоничных и созидательных отношений «я»-рассказчицы и главного героя Питера Тауссига. Последний – писатель, недавно вернувшийся в Вену из Швейцарии, зрелый ответственный человек. Очевидно, Вайгель так видит – и хочет представить публике в контексте данных отношений – самого себя.

В противовес Кристиану Тауссиг показан мудрым, опытным мужчиной, который по отношению к героине исполняет роль Пигмалиона: формирует как личность, открывает ей двери в мир искусства, терпеливо сносит капризы, выступает в роли благородного защитника. Его прошлое тоже играет на него: этот вернувшийся в Вену из эмиграции еврейский интеллектуал пытается заново обрести родину среди руин, выстроить новую культуру, но вдобавок ко всем ужасам войны и изгнания сталкивается теперь еще и с эмоциональным предательством со стороны самого близкого человека.

На фоне мятущейся героини и загадочного поэта Кристиана Тауссиг выглядит оплотом стабильности, адекватности, подлинности чувств, но становится жертвой «молодого эгоизма» нового поколения писателей, для которых важны лишь собственные амбиции. К концу романа герой Вайгеля приходит к горькому пониманию, что его «ученица» и возлюбленная безвозвратно утеряна.

Тогда он ее отпускает – с грустной иронией, фиксируя собственное моральное и интеллектуальное превосходство.

Бахман восприняла эту книгу как акт мести со стороны отвергнутого мужчины. Ее глубоко задело, как Вайгель изобразил ее – эгоцентричной, незрелой и инфантильной девицей, которая не способна разобраться в своих чувствах и использует мужчин для вдохновения и продвижения.

Выход романа не только глубоко обидел ее, но и спровоцировал панический страх, что подробности ее личной жизни, включая переписку с Вайгелем и Целаном, могут стать достоянием общественности. Вайгель выставил на всеобщее обозрение ее личную жизнь, не посчитавшись с тем, что ранее в письмах она признавалась ему, какой ужас вызывает у нее сама мысль о том, что ее личная переписка может попасть в руки какого-нибудь ретивого диссертанта.

На фоне этого страха, приобретшего черты панического, и глубокой личной обиды публичная реакция Ингеборг Бахман на выход «Неоконченной симфонии» была сдержанной. Бахман отказывалась от комментариев, когда ей задавали вопросы, сама по поводу этого романа не высказывалась и в открытую полемику с Вайгелем не вступала. Запоздалый, но зато глубоко продуманный и профессиональный ее ответ можно заподозрить в нарративной структуре ее романа «Малина» (Malina, 1971), где повествование о глубоко личных переживаниях тоже ведется от лица безымянной «я»-рассказчицы, только созданной не другими участниками отношений, а вышедшей из-под ее собственного пера.

Сдержанная реакция со стороны Ингеборг Бахман способствовала тому, что скандал довольно быстро ушел из публичного поля, хотя Вайгель, завидовавший теперь ее литературной известности, и далее продолжал время от времени нападать на нее в прессе[4]. Выход романа стал финальной точкой в их личных отно-

[4] После разрыва и триумфального взлета Бахман Г. Вайгель превратился в ее непримиримого оппонента, который неизменно критически отзывался о ее поэзии и прозе, настаивал на том, что ее слава раздута прессой, а ее саму упрекал в эгоцентризме. Так, в 1953 г. в письме венскому литератору Герберту Айзенрайху (Herbert Eisenreich) Вайгель с ненавистью заметил, что «Инге овладела мания величия». А когда в 1958 г. Бахман решительно выступила в прессе против идеи размещения в Германии ядерного оружия, он опубликовал адресованное ей «открытое письмо», где по-отечески, подчеркнуто сверху вниз, журил ее за непростительную глупость.

шениях. Осознав, что венская литературная среда пытается задушить ее не только как самостоятельного литератора, но и как личность, Бахман стала целенаправленно искать работу или стажировку в других странах, надеясь устроить отъезд из Австрии.

В 1950 и 1951 гг. она дважды пыталась воссоединиться с Целаном в Париже, где проводила по несколько недель. Первый ее приезд (октябрь – декабрь 1950 г.) оказал на обоих вдохновляющее воздействие, активировал творчество, переписку, сотрудничество [2]. Второй (февраль – март 1951 г.) закончился неудачно: они решили расстаться. Вероятно, в этом решении не последнюю роль сыграл и роман Вайгеля, карикатурно высветивший Целана, но также и обозначивший главное препятствие в их отношениях – коммуникативный разрыв между евреем и немкой в послевоенной Европе («И подумай немного о том, какая тень коснулась меня, когда я с тобой заговорил», – написал ей Целан 4 октября 1950 г. [2, с. 20]).

Тем временем Бахман внезапно настигла настоящая литературная слава, причем прямо на глазах у Целана. Все началось с приглашения ее Гансом Вернером Рихтером на очередную сессию «Группы-47». Как и Вайгель, Рихтер познакомился с Бахман, когда она пришла к нему брать интервью [12, S. 73]. По его воспоминаниям, тогда ему случайно попались на глаза ее стихи, и возникло ощущение, что он «сделал открытие» [20, S. 105]. Уже через месяц она выступала с чтениями на очередной встрече «Группы-47» в Ниндорфе и произвела огромное впечатление, а всего через год, в мае 1953 г. в Майнце, получила литературную премию этой группы, тем самым в возрасте двадцати шести лет став в один ряд с предыдущими, весьма авторитетными лауреатами – Гюнтером Айхом, Генрихом Бёллем, Ильзе Айхингер.

Как пишет А.В. Карельский, ссылаясь на воспоминания Йоахима Кайзера о первых чтениях Бахман, интенсивность ее ранней поэзии была такова, что не могла оставить равнодушным никого: «Всем сразу стало ясно: этот тон, эта глубина, это бесстрашие дерзания, эта мягкая твердость присущи только ей; здесь продолжалось вершинное движение немецкой лирики…» (цит. по: [5, с. 237]). Годы спустя, когда Бахман писала уже преимущественно прозу – и тоже новаторскую, – критики продолжали настаивать на уникальности ее лирического голоса в немецкоязычной поэзии [19, S. 417–418], нередко преуменьшая эпическое дарование, раскрывшееся в прозе 1960-х годов [3, с. 236] и сводя

смысл романа «Малина» к опыту психоанализа личной истории [19, S. 416].

Ту самую встречу «Группы-47» в конце мая 1952 г. в Ниндорфе, которая стала триумфальной для Бахман и на которую не без ее участия был приглашен Пауль Целан, последний пережил как провал [12, S. 75–76]: его стихи, напротив, показались присутствовавшим немецким писателям (многие из которых еще недавно воевали на стороне Гитлера) странными и чужими, манера чтения – неестественной и вызывающей. Критики как таковой почти не было, но стихи Целана, включая знаменитую «Фугу смерти» (Todesfuge, 1944), заложившую основы образности последующей поэзии о Холокосте, были встречены молчанием, которое сам поэт воспринял как антисемитское [12, S. 75–76]: несмотря на последующие приглашения со стороны Рихтера, больше ни на одну встречу «Группы» Целан не приезжал [12, S. 77]. На фоне очевидного успеха Бахман всеобщее молчание, конечно, задело его еще сильнее. Как бы то ни было, из Ниндорфа Пауль Целан уехал с ощущением глубокой обиды на всех немецких писателей, не исключая Бахман, и в декабре того же 1952 г. женился в Париже на художнице Жизель Лестранж[5], решительно переведя отношения с Ингеборг в категорию дружеских и отчасти рабочих. К середине 1950-х годов их переписка тоже почти сошла на нет – стихи и приветы передавались в основном через общих друзей, – однако поэтический диалог не прекратился, переместившись преимущественно в пространство поэзии [21].

Бахман и Целан встретились вновь лишь в октябре 1957 г. – на съезде Вуппертальского союза «Литературная критика – критический взгляд». На следующий день в Кёльне их любовные отношения возобновились и продолжались до мая 1958 г. Между встречами вновь активизировалась переписка: теперь большую активность в письмах проявлял Целан.

Вскоре после начала второй волны их романа Бахман в письме от 28–29 октября 1957 г. благодарит Целана за то, что он обо всем рассказал жене: «Ведь она есть то, что она есть, и ты ее любишь» [2, с. 63]. Это же письмо проливает свет и на глубинные причины предшествовавшего разрыва, возводя их к исторической катастрофе, которая, поставив их по разные стороны непреодоли-

[5] В 1953 г. у них был ребенок, умерший сразу после рождения, а в 1955 г. родился сын Эрик.

мого разлома между преступниками и жертвами, не могла не влиять на личные отношения.

«Я еще в Кёльне хотела тебе сказать, попросить тебя прочитать еще раз “Песни на дорогах бегства”; той зимой, два года назад, я была у последней черты и приняла твой отказ. Я больше не надеялась, что буду оправдана» [2, с. 64], – пишет Бахман о прошлом их отношений. Их настоящее она видит в этот момент по-другому: «Ты сказал, что навсегда примирился со мной, я этих слов никогда не забуду» [там же].

В ответном письме 31 октября 1957 г. Целан признается: «Я – да, не знаю, что все это означает, не знаю, как мне это назвать: предопределение, может быть, или судьба и призвание, поиск названий не имеет смысла, я просто знаю, что это навсегда» [2, с. 65]. И далее вспоминает стихотворение, которое посвятил Бахман после их первой встречи в мае 1948 г. в ее 22-й день рождения. Это стихотворение, «В Египте», открывает теперь их переписку:

В Египте (Для Ингеборг)
Скажи глазам иноземки: «Водой обратись!»
Отыщи в глазах ее тех, кто водой обратился.
Позови их, пусть выйдут они из воды: Руфь! Ноэми! Мириам!
Убери украшеньями их, когда возляжешь с чужой.
Убери украшеньями их из облачных прядей чужой.
И скажи, чтоб услышали Руфь, Мириам, Ноэми:
Смотрите, я сплю я ней!
Убери иноземку лучшими из украшений.
Убери ее болью своей за Руфь, Мириам, Ноэми.
И скажи иноземке:
Смотри, я с этими спал![6]

«Каждый раз, читая его, – пишет Целан, – я вижу, как ты в него входишь: ты для меня основа жизни, между прочим, и потому, что была и остаешься оправданием моего говорения… Но дело не только в этом, не в говорении, я ведь хотел и молчать с тобой!» [2, с. 65–66].

Ситуация любовного треугольника продолжается до мая 1958 г., затем, в силу того что Бахман не считает себя вправе раз-

[6] Перевод А. Прокопьева [2, с. 7].

рушать отношения Целана с семьей («Ведь мне не отмахнуться от моих же слов: ты не имеешь права бросить ее и вашего ребенка» [2, с. 65]), отношения постепенно возвращаются в русло творческого сотрудничества и дружбы, а с лета 1958 г. – превращаются в «дружбу семьями». В конце июня 1958 г. Бахман впервые встречается с Жизелью Целан-Лестранж в Париже. С 25 июня по 2 июля 1958 г. они проводят несколько вечеров втроем, а уже 3 июля Бахман знакомится с Максом Фришем (1911–1991), который затем настойчиво добивается ее расположения. Так в ее жизни начинается новая глава, связанная с именем одного из двух самых известных швейцарских немецкоязычных прозаиков XX в.[7]

Переписка с Целаном продолжается, но теперь в ней незримо присутствует Жизель (передает приветы или просит Бахман подписать для нее новую книгу), а с марта 1959 г. – также и Макс Фриш, который поначалу тоже передает Паулю приветы и получает ответные через Ингеборг, но очень скоро начинает давать советы, оценки и вежливо, но твердо проводить свою линию, не облегчая обоим поэтам задачу понять и принять друг друга. В «семейном» формате переписка продолжается до конца 1961 г. – декабрем датировано последнее письмо Бахман и Фриша Паулю и Жизели: это рождественская открытка.

Позднее Целан писал ей еще дважды: в 1963 г., узнав о ее длительном пребывании в клинике нервных болезней, спрашивал о ее состоянии, а в 1967 г. благодарил за то, что она рекомендовала его своему издательству Piper как подходящего переводчика для стихов Анны Ахматовой. (Рекомендация не помогла: издательство выбрало другого переводчика, запятнанного нацистским прошлым, и Бахман по этой причине разорвала отношения с издательством и перешла в Suhrkamp).

«Наш страх – это не ваш страх. Наше спасение – это не ваше спасение», – написал об этом разломе еще Ганс Вайгель в «Неоконченной симфонии». Но если у Вайгеля героиня Бахман говорит его голосом, заключена в рамки исключительно его представлений и лишена возможности выражать свое восприятие, то в переписке с Целаном, в преодолении их взаимного непонимания, недоверия и обид, рождается собственный голос Бахман, и

[7] О Максе Фрише и Фридрихе Дюрренмате: «…В особенности при взгляде извне, из-за рубежа, они кажутся этаким невнятным сочетанием “Фришидюрренмат”, представляющим послевоенную швейцарскую литературу» [7, с. 238].

возникает «особый драматизм» «говорения со сдавленным горлом» среди «потаенных и открытых обвинений, недоразумений», в любой момент приводящих «к тому, что партнер по диалогу “неожиданно замолкает надолго”» [2, с. 236].

На рубеже 1950–1960-х годов проявляется разочарование Бахман в утопии *нового языка* (языка поэзии и / или языка любви) и, как следствие, в поэзии вообще[8]. Это закономерно, раз уж даже два любящих друг друга поэта в «разорванном» современном мире не в силах сохранять взаимопонимание и доверие: несмотря на любовь и взаимное восхищение коммуникативный разрыв между ними, укорененный в «большой истории», неумолимо разрастается, достигая масштабов пропасти. Как полагают составители переписки [2], в битве со словами, документом которой она является, рождается и «проблема женского авторства» – одна из главных в позднем творчестве Ингеборг Бахман, представленном преимущественно прозой[9].

Поворот к прозе удивительным образом воплотился в ее жизни в союз с прозаиком: с 1958 по осень 1962 г. продолжались почти семейные отношения с Максом Фришем, которого многие считали ее мужем [3, с. 242]. Последняя глава ее личной жизни удивительным образом перекликается с первой, отчасти воспроизводя историю отношений с Вайгелем: это отмечает, в частности, Йохан Фиргес, возводящий конкретные особенности образа отца из романа «Малина» к ним обоим [16]. Фигура немецкого филолога и педагога Йохана (Жана) Фиргеса (1934–2014) примечательна в рассматриваемом контексте еще и тем, что именно он в 1959 г. защитил в Кёльнском университете первую в истории литературы диссертацию об образности в поэзии Пауля Целана, а последняя его большая работа, изданная через полвека, в 2008 г., посвящена анализу повествовательной перспективы романа И. Бахман «Малина» [16]. Кроме того, в переписке [2] Жан Фиргес упоминается Целаном как «некий студент», зачем-то сообщивший поэту о публикации антисемитской карикатуры на него, и соответствую-

[8] На протяжении 1960-х годов она опубликовала всего несколько стихотворений.

[9] При жизни писательницы были опубликованы два сборника рассказов – «Тридцатый год» (1961), «Синхронно» (1971), – и роман «Малина» (1971), в котором названная проблема является центральной.

щий отрывок из письма Фиргеса вложен в письмо к Ингеборг Бахман от 2 декабря 1958 г. [2, с. 103].

Вскоре после болезненного разрыва с Бахман в конце 1962 г. Фриш тоже публикует роман – «Назову себя Гантенбайн» (1964), содержащий психологическую «проработку» их отношений в духе «а что было бы, если бы…». Правда, в отличие от Вайгеля, у Фриша рассказчиком выступает не интроецированный образ неверной возлюбленной, а «честное» alter-ego писателя, и в этом смысле восприятие «другой стороны» отношений (Бахман) оставлено на ее усмотрение. Зато рассказчик отнюдь не лестно изображает «свою жену, блестящую знаменитую актрису Лилю, которая без конца ему изменяет» и в которой первые читатели увидели Ингеборг Бахман[10].

Бахман тяжело переживала не только разрыв, но и несправедливость, какой сочла сближение реальной себя с образом Лили [11]: после расставания с Фришем осенью 1962 г. она попала в клинику нервных болезней, где провела несколько месяцев – до конца февраля 1963 г. Аналогичные эпизоды повторялись затем несколько раз: в феврале – марте и ноябре 1965 г.; в мае и августе 1966 г.; феврале 1967 г. [2, с. 388–389].

Одним из результатов лечения стала ее зависимость от барбитуратов и транквилизаторов, приблизившая преждевременную гибель. Вторым – сложившийся во время длительного лечения замысел масштабной социально-критической эпопеи в прозе о том, как современное общество выталкивает из жизни, изощренно умерщвляет людей, пытающихся в нем оставаться собой – жить, чувствовать, любить так, как это свойственно им, выражать собственную сущность.

Этот эпический проект впоследствии получил название «Виды смерти» (Todesarten-Projekt) [14]. Как пишут в послесловии составители академического издания М. Альбрехт и Д. Гёттше, «явление, которое Бахман хотела представить читателю, вывести на свет осознания, та “болезнь нашего времени”, как она выразилась в одном из интервью после выхода романа “Малина”, имеет в современном обществе самое широкое распространение» [14, S. 261]. Речь идет о подспудном господстве в социальном пространстве дискурса подавления и насилия, который разрушает взаимопонимание между людьми, диалог и в конечном счете жизнь человека.

[10] С. Шлапоберская. «Предисловие переводчика»: [1, с. 10].

Бахман выявляет дискурс насилия не только в повседневных жизненных практиках своих современников, включая саму себя, но и в мышлении, убеждениях, способах реагировать на обстоятельства.

Поразительно, что пребывание Бахман в Цюрихской клинике нервных болезней после расставания с Фришем совпало по времени с первым стационарным пребыванием в психиатрической клинике Пауля Целана. В последующие годы обострения в его состоянии, дважды сопровождавшиеся нападениями на жену, еще не раз совпадали по времени с периодами пребывания Бахман в клиниках нервных болезней [2, с. 388–389].

«Малина», единственный завершенный роман задуманной эпопеи, увидел свет уже после трагической гибели Целана в Париже весной 1970 г. (он бросился с моста в Сену). Отзвуки трагедии проникли в ее роман: узнав о смерти возлюбленного, Бахман успела вставить в почти готовый к изданию текст сновидческий монолог, изображающий гибель Ивана, возлюбленного рассказчицы. В нем узнаваемы сам возлюбленный, его жена, дети (кроме Эрика, у Пауля с Жизелью был еще один сын, умерший сразу после рождения). Атмосфера происходящего напоминает загрузку транспорта, везущего евреев в концлагерь [15, Bd 4, S. 192–195]. Эпизод завершается признанием рассказчицы: «Моя жизнь кончена, потому что он в ходе перемещения захлебнулся в реке, он был моей жизнью. Я любила его больше жизни»[11].

Пережив Целана всего на два года, Бахман погибла – не в воде, как он, а в огне: то ли от прямых последствий пожара, случившегося 17 сентября 1973 г. в ее римской квартире, то ли от «внутреннего огня» из-за отмены барбитуратов во время длительного лечения от ожогов в больнице. Своего отца, симпатизировавшего нацистам, она пережила всего на несколько месяцев.

Роман «Малина» завершается тем, что рассказчица «я» покидает романную реальность, добровольно войдя в разлом в стене, который до того момента никто как будто не замечал. В ее квартире остается один Малина – то ли сожитель, то ли мужской двойник «я»-рассказчицы. Последний абзац звучит так:

«Шаги, все шаги и шаги Малины, тихие шаги, тишайшие шаги. Остановка. Сигнала тревоги нет, сирены молчат. Никто не

[11] Перевод мой. – *Е. С.*, по: [15, Bd 4, S. 195]. Перевод С. Шлапоберской [1] в цитируемой фразе утратил отсылку к «транспорту», ясно указывающую на обстоятельства перемещения евреев в концлагерь.

спешит на помощь. Ни “скорая”, ни полиция. Это очень старая, очень толстая стена, из которой никто не может выпасть, которую никто не может пробить, из которой не может донестись ни звука.

Это было убийство»[12].

Не останавливаясь сейчас на подробной интерпретации этого многослойного финала, который мы ранее анализировали [8], отметим только, что и это как будто ответ – Максу Фришу, к началу их отношений как раз закончившему роман «Гомо Фабер», в котором герой ассоциирует со звуком своих шагов в квартире собственное одиночество.

Позднее, уже после смерти Бахман, Макс Фриш вернулся к теме своих взаимоотношений с ней в повести «Монток», увидевшей свет в 1975 г. Автобиографический рассказчик предлагает в ней свой взгляд на события прошлого из обстоятельств нынешнего мимолетного романа с молодой американкой. История отношений с Ингеборг Бахман занимает важное место в этих воспоминаниях: звучит и граничащее с ужасом сожаление о ее преждевременном уходе («Рим… Он не рассказывает о самом страшном из всех видов смерти» [9, с. 100][13]), и признание собственной не вполне здоровой любви-зависимости к ней в те времена («Я расплачиваюсь ревностью; расплачиваюсь в полную меру» [9, с. 138]), и восхищение ее свободолюбием и талантом («…я услышал, что В. выражал удивление, как это Фриш выискал такую женщину» [9, с. 62]; «Ее свобода – составная часть ее величия» [9, с. 138]), и осознание истоков ее претензий к нему как постоянному партнеру. «…Ее жалобы на меня были иного рода, и они справедливы. Мне понадобился год, чтобы это понять. Сперва ее вывод показался мне нелепым: будто за десять лет я ничего не сделал, чтобы она осуществила себя как личность. Она говорила очень спокойно. Я носил ее на руках – самый удобный способ обращения с женщиной и самый скверный. С этим я согласен. Ее упрек задевает меня по-другому, не в том смысле, какой она в него вкладывает. Очевидно, я с самого начала повел себя так, словно я бог-отец или по крайней мере Адам, из ребра которого сотворена жена…» [9, с. 96].

[12] Перевод С. Шлапоберской [1, с. 261].

[13] Имеется в виду гибель в Риме Ингеборг Бахман. Содержится здесь и аллюзия на ее прозаический проект «Виды смерти».

Список литературы

1. *Бахман И.* Малина. Роман / пер. с нем. и вступ. С. Шлапоберской. Москва: Аграф, 1998. 368 с.
2. Время сердца: переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана (с приложением переписки между Паулем Целаном и Максом Фришем, а также между Ингеборг Бахман и Жизелью Целан-Лестранж). Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
3. *Ерохин А.В.* Ингеборг Бахман // История австрийской литературы XX в. Том II. 1945–2000. Москва: ИМЛИ РАН, 2010. С. 235–255.
4. *Зачевский Е.А.* «Группа 47»: страницы истории литературы ФРГ: в 2 т. Санкт-Петербург: Крига, 2020.
5. *Карельский А.В.* Ингеборг Бахман // *Карельский А.В.* Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур. Вып. 2. Хрупкая лира: лекции и статьи по австрийской литературе XX в. Москва: РГГУ, 1999. С. 237–240.
6. *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение позитивизма / пер. с англ. А. Никифорова. Москва: Идея-Пресс, 2003. 224 с.
7. *Ромашко С.* Памятник несостоявшейся дружбы // Иностранная литература. 1999. № 9. С. 236–239.
8. *Соколова Е.В.* Загадки центральной пары романа «Малина» (50 лет со дня смерти Ингеборг Бахман) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 3(55). С. 168–185.
9. *Фриш М.* Монток. Человек появляется в эпоху голоцена: повести / пер. с нем. Е. Кацевой. Москва: Прогресс, 1982. 280 с.
10. *Хёллер Х.*, *Штоль А.* Тайна переписки, скрытая в стихах. Поэтологическое послесловие // Время сердца: переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана (с приложением переписки между Паулем Целаном и Максом Фришем, а также между Ингеборг Бахман и Жизелью Целан-Лестранж). Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 230–253.
11. *Albrecht M.* Die andere Seite: Untersuchungen zur Bedeutung von Werk und Person Max Frisches in Ingeborg Bachmanns Todesarten. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1989. 373 S.
12. *Arnold H.L.* Die Gruppe 47. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt taschenbuch, 2004. 159 S.
13. *Bachmann I.* Die kritische Aufnahme der Existentialphilosophie Martin Heideggers. München: Piper, 1985. 199 S.
14. *Bachmann I.* Todesarten-Projekt: Kritische Ausgabe / hrsg. von M. Albrecht und D. Göttsche, unter Leitung von R. Pichl. Bd 1–4. München; Zürich: Piper, 1995.
15. *Bachmann I.* Werke: in 4 Bde / hrsg. von Ch. Koschel, I. Weidenbaum, C. Münster. 5. Aufl. München: Piper, 1993.

16. *Firges J.* Ingeborg Bachmann: *Malina*: Die Zerstörung des weiblichen Ich. Annweiler am Trifels: Sonnenberg, 2008. 160 S.
17. Herzzeit: Ingeborg Bachmann – Paul Celan. Der Briefwechsel / hrsg. von B. Badiou; H. Höller; A. Stoll; B. Wiedemann. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2008. 399 S.
18. *Lennox S.* Trends in Literary Theory: The Female Aesthetic and German Women's Writing // German Quarterly. 1981. Vol. 54. No. 1. P. 63–74.
19. *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München: Deutscher taschenbuch Verlag, 2000. 566 S.
20. *Richter H.W.* Was war die Gruppe 47? Unveröffentlichtes Rundfunkmanuskript. NDR III. 1.10.–22.10.1974 / In überarb. und erw. Fassung unter dem Titel "Wie entstand un was war die Gruppe 47" // Hans Werner Richter und die Gruppe 47 / hrsg. von H.A. Neunzig. München, 1979. S. 41–176.
21. *Weigel S.* "Sie sagten sich Helles und Dunkles": Ingeborg Bachmanns literarischer Dialog mit Paul Celan // Ingeborg Bachmann / hrsg. von H.L. Arnold. 5. Aufl., Neufassung. München: Edition Text + Kritik, 1995. S. 122–135. (Text + Kritik; Heft 6).

References

1. Bakhman, I. *Malina: Roman* [*A Novel*]. Moscow, Agraf Publ., 1998, 368 p. (In Russ.)
2. *Vremya serdtsa: perepiska Ingeborg Bakhman i Paulya Tselana (s prilozheniem perepiski mezhdu Paulem Tselanom i Maksom Frishem, a takzhe mezhdu Ingeborg Bakhman i Zhizel'yu Tselan-Lestranzh)* [*Time of the Heart: Correspondence between Ingeborg Bachmann and Paul Celan (with appendixes of correspondence between Paul Celan and Max Frisch, and between Ingeborg Bachmann and Giselle Celan-Lestrange)*]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 416 p. (In Russ.)
3. Erokhin, A.V. "Ingeborg Bakhman". In: *Istoriya avstriiskoi literatury XX v. Tom. II. 1945–2000* [*History of Austrian Literature of the 20th Century. Vol. 2. 1945–2000*]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 235–255. (In Russ.)
4. Zachevskii, E.A. *"Gruppa 47": stranitsy istorii literatury FRG* [*"Group 47": Pages from the History of German Literature*]: in 2 vols. St Petersburg, Kriga Publ., 2020. (In Russ.)
5. Karel'skii, A.B. "Ingeborg Bakhman". In: *Metamorfozy Orfeya: besedy po istorii zapadnykh literatur. Vypusk 2. Khrupkaya lira: lektsii i stat'i po avstriiskoi literature XX v.* [*Metamorphoses of Orpheus: Conversations on the History of Western Literatures. Issue 2. Fragile Lyre: Lectures and Articles on 20th-Century Austrian Literature*]. Moscow, RGGU Publ., 1999, pp. 237–240. (In Russ.)
6. Kraft, V. *Venskii kruzhok. Vozniknovenie pozitivizma* [*The Vienna Circle: The Rise of Positivism*]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2003, 224 p. (In Russ.)

7. Romashko, S. “Pam’atnik nesostoyavsheys’a druzhby” [“Monument to a Failed Friendship”]. *Inostrannaya literatura*, no. 9, 1999, pp. 236–239. (In Russ.)
8. Sokolova, E.V. “Zagadki tsentral’noi pary pomana *Malina*” [“The Mystery of the Central Couple in the Novel *Malina*”]. *Chelovek: obraz i sushchnost’. Gumanitarnye aspekty*, no. 3(55), 2023, pp. 168–185. (In Russ.)
9. Frish, M. *Montok. Chelovek poyavlyaetsya v ehpokhu golotsena: povesti* [*Montauk. Man Appears in the Holocene Epoch: Stories*]. Moscow, Progress Publ., 1982, 280 p. (In Russ.)
10. Kheller, Kh., Shtol’, A. “Taina perepiski, skrytaia v stikhakh. Poehtologicheskoe posleslovie” [“The Secret of Correspondence Hidden in Verse. A Poetological Afterword”]. In: *Vremya serdtsa: perepiska Ingeborg Bakhman i Paulya Tselana (s prilozheniem perepiski mezhdu Paulem Tselanom i Maksom Frishem, a takzhe mezhdu Ingeborg Bakhman i Zhizel’yu Tselan-Lestranzh)* [*Time of the Heart: Correspondence between Ingeborg Bachmann and Paul Celan (with appendixes of correspondence between Paul Celan and Max Frisch, and between Ingeborg Bachmann and Giselle Celan-Lestrange)*]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, pp. 230–253. (In Russ.)
11. Albrecht, M. *Die andere Seite: Untersuchungen zur Bedeutung von Werk und Person Max Frisches in Ingeborg Bachmanns Todesarten.* Würzburg, Königshausen & Neumann, 1989, 373 S. (In German)
12. Arnold, H.L. *Die Gruppe 47.* Reinbek bei Hamburg, Rowohlt taschenbuch, 2004, 159 S. (In German)
13. Bachmann, I. *Die kritische Aufnahme der Existentialphilosophie Martin Heideggers*. München, Piper, 1985, 199 S. (In German)
14. Bachmann, I. *Todesarten-Projekt: Kritische Ausgabe*, Bd 1–4. München, Zürich, Piper, 1995. (In German)
15. Bachmann, I. *Werke*: in 4 Bde. 5. Aufl. München, Piper, 1993. (In German)
16. Firges, J. *Ingeborg Bachmann: “Malina”: Die Zerstörung des weiblichen Ich.* Annweiler am Trifels, Sonnenberg, 2008, 160 S. (In German)
17. *Herzzeit: Ingeborg Bachmann – Paul Celan. Der Briefwechsel.* Frankfurt a. M., Suhrkamp, 2008, 399 S. (In German)
18. Lennox, S. “Trends in Literary Theory: The Female Aesthetic and German Women’s Writing”. *German Quarterly*, vol. 54, no. 1, 1981, pp. 63–74. (In English)
19. Reich-Ranicki, M. *Mein Leben.* München, DTV, 2000, 566 S. (In German)
20. Richter, H.V. “Was war die Gruppe 47? Unveröffentlichtes Rundfunkmanuskript. NDR III. 1.10.–22.10.1974”. In: *Hans Werner Richter und die Gruppe 47*. München, 1979, S. 41–176. (In German)
21. Weigel, S. “‘Sie sagten sich Helles und Dunkles’: Ingeborg Bachmanns literarischer Dialog mit Paul Celan”. In: *Ingeborg Bachmann*. 5. Aufl., Neufassung. München, Edition Text + Kritik, 1995, S. 122–135. (In German)